

ДРУЖБА НАРОДОВ

- *Ефим Бершин*
От Волги до Галилейских вод
Стихи
- *Ирина Богатырёва*
Формула свободы
Роман
- *Сергей Маркедонов*
Россия на Большом Кавказе:
в тени Сирии и Украины
- *Сергей Степашин*
«Просто люблю читать...»
Разговор ведёт Наталья Игрунова
- *Евгений Ермолин*
Распутье: русскоязычный прозаик
в начале третьего тысячелетия

6'2017

Сергей Маркедонов

Россия на Большом Кавказе: в тени Сирии и Украины

Большой Кавказ: регион особого значения

В последние несколько лет политическая ситуация в Кавказском регионе вытеснена на обочину информационной повестки дня событиями вокруг Ближнего Востока и Украины. Однако, несмотря на смещение внимания экспертов и дипломатов, этот регион по-прежнему сохраняет свою стратегическую значимость.

Кавказ является своеобразным мостом между Европой и Азией. Этот регион крайне важен с точки зрения энергетической безопасности. Кавказ примыкает к Ближнему Востоку (страны региона граничат с Турцией и Ираном, двумя ключевыми игроками в нынешнем сирийском конфликте). Он также рассматривается как часть Большого черноморского региона, который является ареной конкуренции интеграционных проектов (Евросоюз и Евразийский экономический союз). И Россия, и Евросоюз, который пережил в 1990—2000-х годах несколько расширений, рассматривают Закавказье как своего «ближнего соседа». Российская ситуация — особая, поскольку в состав самой Российской Федерации входит территория Северного Кавказа, по площади превышающая размеры Грузии, Армении и Азербайджана.

И хотя сегодня основной фокус внимания специалистов по постсоветскому пространству сосредоточен на вооруженном противостоянии на юго-востоке Украины, кавказские конфликты до сих пор дают о себе знать. В первую очередь речь идет о ситуации в Нагорном Карабахе. С каждым годом там растет количество вооруженных инцидентов, а в апреле 2016 года было зафиксировано самое крупное нарушение режима прекращения огня с момента вступления в силу бессрочного Соглашения о перемирии (от 12 мая 1994 года). Имели место боестолкновения, хотя и меньшей интенсивности, в феврале 2017 года. Намного менее известно положение дел вдоль армяно-азербайджанской международно признанной границы, которая находится за пределами нагорно-карабахской «контактной линии» (в Баку и в Ереване ее называют просто «линией фронта»). Между тем вооруженные инциденты стали регулярными и там. Резкое обострение в этой части Закавказья произошло 29 декабря, в самый канун нового, 2017 года. Добавим к этому неготовность сторон к достижению компромисса и отсутствие видимого прогресса на переговорах.

В отличие от Нагорного Карабаха ситуация в Абхазии и Южной Осетии выглядит относительно спокойной. Две частично признанные республики получили военно-политические гарантии и социально-экономическую помощь со стороны России, а

Маркедонов Сергей Мирославович — доцент кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ, кандидат исторических наук.

Грузия, несмотря на официальную риторику о восстановлении территориальной целостности как важнейшем приоритете, не предпринимает усилий по установлению своей юрисдикции над Сухуми и Цхинвали. При этом действия Южной Осетии по пограничному размежеванию (известные как «бордеризация»), поддерживаемые Москвой, вызывают у Тбилиси и Запада опасения по поводу продвижения России на собственно грузинскую территорию. Необходимо признать, что абхазский и югоосетинский выбор в пользу РФ упрочил связи Тбилиси с США, НАТО и ЕС. Правительство «Грузинской мечты» не только не пересмотрело прозападный вектор времен президентства Михаила Саакашвили, но и еще четче обозначило его. Именно оно сначала парафировало, потом подписало Договор об ассоциации с Евросоюзом, а в феврале 2017 года грузинские граждане добились права для краткосрочных въездов в страны Шенгенской зоны без визы. Положение о североатлантической интеграции как важнейшем национальном приоритете нашло отражение даже в пакете поправок к Основному закону страны, представленному в апреле 2017 года Государственной конституционной комиссией Грузии.

В настоящее время главной темой конкуренции (и конфронтации) между Россией и Западом является Украина. Однако события в этой стране и вокруг нее лишь оттенили, но не отменили того факта, что Москва, с одной стороны, и Вашингтон с Брюсселем — с другой по-прежнему рассматривают Закавказье как площадку для соперничества. Да, эти игроки готовы к кооперации в деле нагорно-карабахского урегулирования, но в то же самое время и ЕС, и США видят в Кавказе регион, способный стать энергетической альтернативой «доминированию» Москвы в деле обеспечения Европы углеводородным сырьем. Они также не принимают российских подходов к проблемам Абхазии и Южной Осетии и негативного отношения Кремля к кооперации стран региона (особенно Грузии) с НАТО. При этом для России, имеющей в своем составе семь республик Северного Кавказа, положение дел в соседних странах, по другую сторону Кавказского хребта, видится как продолжение внутривосточной повестки, особенно в сфере безопасности.

Помимо уже имеющихся проблем значительно выросла роль так называемых «фоновых факторов». Речь идет прежде всего об угрозе со стороны «Исламского государства» (ИГ). Ранее джихадистские структуры Ближнего Востока, такие как «Аль-Каида», не объявляли Кавказ сферой своих интересов или приоритетным регионом. Они боролись с «иудеями и крестоносцами» в Афганистане и Ираке. Летом 2014 года представители ИГ сделали подобное заявление: сегодня в руководстве этой структуры немало людей кавказского происхождения. Встречаются они и в рядах другой известной террористической структуры — «Джебхат ан-Нусра».

Если же говорить о влиянии украинского кризиса, то он вывел на более высокий уровень конкуренцию между европейской и евразийской интеграциями. Часть постсоветских государств выбрала подписание Соглашения о свободной торговле с Европейским Союзом, часть — вхождение в состав Евразийского экономического Союза под эгидой Москвы, а некоторые (например, Азербайджан) — балансирование между разными интеграционными векторами. При этом и те, и другие страны (Армения, Грузия, Молдова, Украина) вовлечены в неразрешенные этнополитические конфликты, а интеграционные возможности рассматриваются ими как дополнительный инструмент — среди прочего. Кризис на Украине способствовал еще большей активизации контактов между Грузией и НАТО. И хотя Тбилиси не обрел ПДЧ (План действий по членству) в альянсе, он получил в сентябре 2014 года пакет «усиленного сотрудничества» с Североатлантическим альянсом. В Крцаниси в августе 2015 года открылся совместный учебный центр для подготовки грузинских офицеров и военных из стран НАТО и государств — партнеров блока.

Евразийская интеграция Армении, соответствующая российским интересам, развивается не просто на фоне социально-экономического кризиса, санкций Запада

против РФ и не всегда качественного и адекватного менеджмента крупных российских компаний, работающих в республике. Ставка армянских властей на евразийский вектор воспринимается неоднозначно и внутри Армении, где оппозиция (а также и бюрократическая фронда в структурах управления страной) говорит об отказе президента этой страны от принципов внешнеполитического комплиментаризма.

Не менее важным для интересов России является и сотрудничество Москвы с двумя частично признанными республиками (Абхазия и Южная Осетия). После того как Грузия сделала очередные шаги в направлении прозападного вектора своей внешней политики, в этих образованиях укрепились настроения в пользу наращивания сотрудничества с Россией и фактической передачи в ее руки функций безопасности, охраны границ и обороны. Однако в Абхазии это сопровождается опасениями по поводу «полной утраты суверенитета», а в Южной Осетии, напротив, недовольством по поводу нежелания Москвы повторить крымский сценарий и позволить реализоваться объединению республики с Северной Осетией под эгидой Российской Федерации.

Россия — Грузия: стратегические расхождения на фоне тактических подвижек

Серия избирательных кампаний в Грузии в 2013—2016 годах значительно изменила внутривнутриполитический ландшафт этой страны. Правление Михаила Саакашвили осталось в прошлом, из главы государства он фактически превратился в политического эмигранта, преследуемого у себя на родине по нескольким уголовным статьям. Как бы то ни было, а за время его правления российско-грузинские отношения достигли самой низкой отметки за все время после распада Советского Союза. Именно в период легислатуры Саакашвили Грузия разорвала дипломатические отношения с Россией, две наши страны пережили, хоть и короткое, протяженностью всего в пять дней, но открытое военное противостояние. И с признанием независимости Абхазии и Южной Осетии был создан первый после 1991 года прецедент ревизии границ между бывшими союзными республиками.

С уходом от власти третьего президента Грузии и поддерживавшей его партии «Единое национальное движение» в российско-грузинских отношениях произошли определенные изменения. Однако по большей части они носили (и продолжают носить) тактический и избирательный характер. Новые грузинские власти (представляющие партию «Грузинская мечта») сохранили приверженность стратегическим подходам прежнего руководства, то есть продолжению и укреплению интеграционных связей с НАТО и с Европейским Союзом. При этом команда «Грузинской мечты», в отличие от Саакашвили, пошла на серьезные изменения своей тактики. Стратегическая цель — вступление в НАТО и в ЕС видится ей не через лобовую конфронтацию с Россией, а через прагматизацию отношений с Москвой. К очевидным результатам этой политики следует отнести:

- купирование конфронтационной риторики и использования России в качестве фактора внутривнутриполитической мобилизации официальными властями Грузии;
- отказ Тбилиси от поддержки северокавказских националистических движений и политического альянса с ними на основе позиционирования Грузии как «кавказской альтернативы» России;
- декларация готовности к сотрудничеству по вопросам безопасности;
- установление прямого регулярного диалога между представителями Грузии и России, свободного от постановки и обсуждения статусных споров по Абхазии и Южной Осетии (формат встреч между Григорием Карасиным и Зурабом Абашидзе).

Россия, со своей стороны, открыла рынок для грузинских товаров (алкогольная продукция, минеральная вода, цитрусовые культуры) и упростила визовый режим для грузинских перевозчиков (водителей). В начале февраля 2017 года Карасин и Абашидзе после очередной встречи заявили о готовности вернуться к договору шестилетней давности об открытии торговых коридоров между Российской Федерацией и Грузией через Абхазию и Южную Осетию. В свое время этот документ был частью российско-грузинского соглашения о вступлении России во Всемирную торговую организацию (ВТО). Процесс этот, скорее всего, не будет быстрым, ибо затрагивает интересы не только Тбилиси и Москвы, но и Еревана и Баку, а также частично признанных образований. Однако сам факт выдвижения неких конструктивных инициатив поверх имеющихся расхождений — позитивный сигнал.

Несмотря на публичную поддержку территориальной целостности Украины и осуждение «аннексии Крыма» официальный Тбилиси отказался от «привязки» своей политики к украинскому кризису.

Однако наличие таких противоречий, как статус двух частично признанных республик и различные внешнеполитические позиции относительно вовлечения НАТО и ЕС в кавказские дела («красные линии») привели к быстрой исчерпанности первичной повестки нормализации отношений между Россией и Грузией. На сегодняшний день фактически единственной темой возможной кооперации двух стран в будущем остается сотрудничество по противодействию терроризму с учетом радикализации населения в приграничном с Россией Ахметском районе Грузии (Панкиси) и вовлеченности выходцев из тамошних мест в исламистские движения в Сирии и Ираке, прежде всего в ИГ.

Нагорный Карабах: угрожающая эскалация

В последние годы, как уже было сказано, резко обострилась ситуация в зоне нагорно-карабахского конфликта. Инциденты были зафиксированы как непосредственно на линии соприкосновения сторон, так и на армяно-азербайджанской границе, в тех районах, которые в официальных документах мирного процесса («Обновленные мадридские принципы») не рассматриваются как часть этнополитического противостояния. Они стали самыми масштабными случаями нарушения режима прекращения огня за двадцать лет перемирия.

Подобная эскалация чревата серьезными угрозами. Во-первых, нарушением статус-кво и возобновлением военных действий с возможным внешним вовлечением в противостояние (учитывая стратегический характер военно-политического партнерства Баку и Анкары). Во-вторых, если атака против инфраструктуры непризнанной НКР (Нагорно-Карабахской республики) с формальной точки зрения может рассматриваться как действия против сепаратистов, то перенесение боевых действий на территорию Армении заставит задействовать механизмы Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), членом которой эта республика является. Однако внутри ОДКБ такое решение, учитывая устойчивую кооперацию между Баку и Астаной, Минском и Баку, а также особые позиции в евразийской интеграции Нурсултана Назарбаева и Александра Лукашенко, скорее всего, не получит единодушной поддержки. События апреля и декабря 2016 года это недвусмысленно подтвердили. Организация не заняла четкой позиции по данному вопросу. В свою очередь, эскалация армяно-азербайджанского военного противостояния может негативно сказаться и на динамике евразийской интеграции, что потенциально является дополнительным риском для российской внешней политики.

Во многом всплеск насилия в Нагорном Карабахе и на армяно-азербайджанской границе стал следствием растущего противостояния России и стран Запада, которые

в урегулировании именно этого конфликта (в отличие от грузинского) многие годы успешно принимали участие. Фактически можно говорить о попытках конфликтующих сторон «протестировать» готовность трех стран-сопредседателей Минской группы ОБСЕ (США, Франция, Россия) к совместному реагированию на вооруженные инциденты и к поддержанию общей линии на ведение переговоров и обеспечение мирного процесса в целом. Тем не менее после апрельской вспышки насилия в Карабахе и США, и Франция согласились на возобновление трехстороннего переговорного формата с участием России, Азербайджана и Армении. При этом Москва рассматривает его не как конкурентную площадку, а как дополнительный переговорный инструмент.

Армения и евразийская интеграция: обретения и издержки

В январе 2015 года Армения официально присоединилась к Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС). Это кавказское государство традиционно рассматривается как главный политический и военный союзник России в регионе. Армения — единственная страна Закавказья, которая входит в Организацию договора о коллективной безопасности (ОДКБ). На ее территории находится российская военная база, а российские пограничники вместе с коллегами из Армении несут охрану внешнего периметра государственной границы республики.

Однако этот тезис отражает лишь внешние контуры тех сложных процессов выбора между евроатлантической и евразийской интеграцией, которые происходят в Закавказье сегодня. Помимо них, есть существенные нюансы.

Вплоть до сентября 2013 года армянское руководство колебалось относительно того, какую линию поведения избрать. Скепсис ряда высокопоставленных чиновников (включая и бывшего премьер-министра Тиграна Саркисяна, оставившего свой пост в начале апреля нынешнего года, и ряд высокопоставленных сотрудников МИД, например, Шаварша Кочаряна) относительно Таможенного союза и евразийской интеграции объяснялся целым рядом резонансов. Среди них назывались и отсутствие общей границы с Россией, и зависимость от «грузинского окна» во внешний мир, на который приходится две трети экспорта и импорта республики, и необходимость диверсифицированной внешней политики ради недопущения одностороннего усиления Баку на Западе.

По-прежнему сохраняют свою актуальность и «технические проблемы» (на самом деле имеющие большое значение для армянской внутренней политики), такие как вопрос о таможенных тарифах, не говоря уже об опасениях понести потери в связи с санкциями Запада против России. При этом критическое отношение к администрации Сержа Саргсяна его оппоненты распространяют и на Москву, обеспечивающую поддержку армянского президента. Среди политических сил этого направления можно выделить партию «Свободные демократы» и политической блок «Елк» («Выход»). Последний смог пройти в парламент на выборах в апреле 2017 года (получил чуть менее семи процентов). Возникло (на основе партии «Прцветающая Армения») объединение, возглавляемое известным олигархом Гагиком Царукяном, которое выступило за необходимость преодоления подчиненного положения в отношении с Москвой. Блок «Царукян» занял второе место на парламентских выборах, завоевав 27,35% голосов.

На фоне конституционных реформ, вызывающих в армянском социуме и политическом сообществе неоднозначные оценки, данный фактор крайне важен. И хотя по итогам выборов в Национальное собрание, ставших началом практической реализации перехода от президентской к парламентской модели правления, провластные силы одержали верх (Республиканская партия с 49,17% и федерация «Дашнакцутюн» с 6,58% могут составить коалицию), в будущем нельзя со стопроцентной уверенностью

гарантировать сохранение такого расклада. Присоединение Армении к евразийской интеграции сопровождалось скепсисом и со стороны других стратегических партнеров России. И хотя сегодня тот же Нурсултан Назарбаев снял свои претензии к членству Еревана в ЕАЭС, не исключено, что они могут пребывать какое-то время в «спящем состоянии». Однако при любом обострении нагорно-карабахского конфликта или возобновлении военных действий между Арменией и Азербайджаном казахстанская позиция может быть предельно четко артикулирована.

Азербайджан: партнерство без завышенных ожиданий

После того как Москва и Баку не смогли достичь компромисса по поводу продления срока эксплуатации Габалинской РЛС (радиолокационной станции), отношения между Россией и Азербайджаном пережили некоторый спад. Впрочем, он продолжался недолго и уже в 2013 году сменился новым подъемом.

Азербайджан, в отличие от Грузии, не ставит своей целью присоединение к НАТО. В настоящее время прикаспийская республика — член Движения неприсоединения. Будучи мусульманской страной, Азербайджан крайне настороженно относится к политике Запада по демократизации «Большого Ближнего Востока» (прежде всего это относится к перспективе возможного его втягивания в противостояние с соседним Ираном). Как следствие — интерес руководства страны к поддержанию сотрудничества с Россией.

В Баку ценят трансграничную кооперацию с Российской Федерацией по борьбе с терроризмом (страны делят общую границу по дагестанскому участку). Азербайджан и Россия имеют общие подходы к вопросу об определении статуса Каспийского моря. Страны развивают военно-техническое сотрудничество. Активные закупки со стороны Баку российского вооружения стали, по сути дела, хорошей финансовой компенсацией для Москвы за элементы прозападной ориентации в политике Азербайджана, касающейся энергетической сферы. Одновременно они показали, что Москва не является потенциальным противником Азербайджана в нагорно-карабахском конфликте, несмотря на российские гарантии безопасности для территории собственно Армении (как на двусторонней основе, так и в рамках ОДКБ). В то же время эти действия ожидаемо вызвали активное неприятие со стороны армянского общества и политических кругов. И в случае любой эскалации насилия в Нагорном Карабахе эта тема в российско-армянских отношениях непременно актуализируется. И не в пользу России.

В отличие от западных стран Москва не подвергает критике внутривнутриполитические стандарты Азербайджана (это в особенности касается парламентских и президентских выборов). В 2016 году Россия поддержала конституционный референдум, целью которого было продление срока президентской легислатуры с пяти до семи лет и расширение полномочий главы государства, а в феврале 2017 года — назначение супруги президента Ильхама Алиева Мехрибан на пост вице-президента.

Следовательно, официальная позиция Российской Федерации является важным фактором международной легитимации политических порядков в прикаспийском государстве, что ценит и официальный Баку.

Однако двустороннее партнерство имеет и четкие пределы. Во-первых, Азербайджан стремится играть собственную партию в энергетических проектах региона, выступая партнером Запада. Во-вторых, Баку четко и последовательно поддерживает территориальную целостность как Грузии, так и Украины. В-третьих, прикаспийская республика не стремится присоединиться к евразийским интеграционным проектам, патронируемым Москвой. При этом сама Россия пытается осуществлять интеграцию, которая не напоминала бы СНГ («инструмент для цивилизованного развода»). Но до решения нагорно-карабахского конфликта совместное пребывание в одной интеграционной структуре Армении и Азербайджана способно сделать ее КПД нулевым.

*Москва и частично признанные республики:
укрепление российского влияния и факторы скрытого недовольства*

Укрепление прозападного внешнеполитического вектора Грузии вызвало ответную реакцию в Абхазии и в Южной Осетии. Усилились позиции сторонников еще большего углубления кооперации с Россией. В Южной Осетии на выборах президента 9 апреля 2017 года победу одержал Анатолий Бибилов, лидер партии «Единая Осетия» (а с 2014 года и спикер парламента), последовательно выступавший за вхождение его республики в состав России. Однако референдум по этому вопросу (который активно обсуждался в 2016 году) не состоялся. Вместо него параллельно с президентскими выборами прошло голосование за переименование республики. Отныне она будет называться Южная Осетия — Государство Алания. Таким образом, политический ребрендинг стал своеобразным компенсаторным механизмом за отказ от форсированной интеграции республики с Российской Федерацией. Москва всячески давала и дает понять, что в условиях жесткой конфронтации с Западом идея повторения крымского сценария не входит в число ее приоритетов. И сегодня ситуация, как в Грузии, так и на Западе, складывается так, что возвращения к ситуации 2008 года не предвидится. Риторический вопрос: стоит ли игра свеч? В этом контексте «смена бренда» становится неким символическим шагом без особых практических последствий.

Ключевыми событиями во внешнеполитической жизни Абхазии и Южной Осетии стало подписание договоров между этими республиками и Россией. Российско-абхазский Договор о союзничестве и стратегическом партнерстве был подписан 24 ноября 2014 года, а российско-югоосетинский Договор о союзничестве и интеграции — 18 марта 2015 года. И хотя оба документа зафиксировали растущее военно-политическое присутствие Москвы в двух частично признанных республиках, их нельзя назвать в полной мере новой вехой. Они формально закрепили тот расклад, который обозначился в августе 2008 года, когда Москва из статуса миротворца перешла в разряд патрона и гаранта безопасности Абхазии и Южной Осетии.

Однако наряду с общими чертами эти два договора имеют свои особенности. В абхазском просматривалась следующая коллизия: противоречие между стремлением к строительству собственного национально-государственного проекта и растущей зависимостью от российской военной и финансовой помощи. Абхазская сторона стремилась подвергнуть документ ревизии с целью сохранения преференций для себя. Например, россиянам не предоставлялось право на получение абхазского гражданства, из названия документа было исключено слово «интеграция». Югоосетинская же сторона была, напротив, заинтересована в максимальной интеграции с Россией. Вплоть до вхождения в ее состав (по примеру Крыма). Эти различия объясняются фундаментальным расхождением двух проектов. Если Абхазия стремится к сохранению своей государственности (при российских военно-политических гарантиях), то Южная Осетия рассматривает независимость не как самоцель, а как переходный этап к объединению с Северной Осетией под эгидой России. При этом обе республики фактически рассматривают Грузию как пройденный этап. В политической повестке Абхазии и Южной Осетии грузинский сюжет перестал играть первостепенную роль. Он отодвинут на второй план проблемой качества независимости под российской эгидой, а также цены влияния России. Наиболее остро этот вопрос стоит в Абхазии, стремящейся сохранить определенную свободу от российского присутствия (как минимум, от прихода крупного бизнеса). Как следствие мы видим на протяжении всех последних лет жаркую внутривнутриполитическую конкуренцию в республике. В 2014 году она завершилась досрочной отставкой президента Александра Анкваба. Но и его преемник Рауль Хаджимба с того времени находился в состоянии жесткой конкуренции с оппозицией. Лозунги с требованием его немедленной отставки были свернуты в канун новогодних торжеств в декабре 2016 года только после достижения соглашения между президентской

командой и оппозиционерами о кооптации оппонентов власти в управленческие и судебные структуры. Однако оппозиция не смогла развить свое преимущество. Выборы в парламент в марте 2017 года обеспечили успех сторонникам Рауля Хаджимбы. Они стали своеобразным тестом для него как легитимного лидера. В то же время у властей, несмотря на численное преимущество, в парламенте не будет монополии. Среди депутатов-оппозиционеров мы видим таких опытных политиков, как экс-президент Александр Анкваб, а также бывший глава службы безопасности и главный конкурент Рауля Хаджимбы на президентских выборах-2014 Аслан Бжания.

В Южной Осетии свои отличия. Здесь и политики, и общественные деятели, напротив, заинтересованы в более активном прямом вовлечении Москвы в дела республики, минуя местных посредников.

Северный Кавказ: внешнеполитический срез

На сегодняшний день положение дел на Северном Кавказе выглядит неоднозначным. С одной стороны, в 2016 году впервые после 2012 года число жертв вооруженного насилия не сократилось, а выросло по сравнению с предыдущим годом на 11%. Число инцидентов осталось на прежнем уровне, но выросла доля взрывов. Однако согласно оценкам НАК (Национального антитеррористического комитета), в 2015 году на Северном Кавказе в два с половиной раза снизилось число террористических акций. Позиции официальных российских властей и представителей неправительственного сектора очень часто не совпадают друг с другом. Однако по данным «Кавказского узла» (интернет-издания, специально занимающегося статистикой и мониторингом вооруженных инцидентов и соблюдения прав человека в северокавказских республиках), в 2015 году число жертв террористических инцидентов снизилось по сравнению с 2014 годом почти в два раза. Количество же самих терактов сократилось на 33%. Более того, начиная с декабря 2013 года, боевики из республик Северного Кавказа не совершали масштабных акций за пределами СКФО, подобных атакам в Волгограде или в Москве.

Многие лидеры исламистского подполья, такие как Доку Умаров или Алиасхаб Кебеков, ликвидированы, а «Имарат Кавказ» (организация, внесенная в «черные списки» не только в России, но и в США) практически прекратил свою террористическую деятельность. Однако на место этой организации вышел так называемый «Вилаят Кавказ» — структура, считающая себя подразделением «Исламского государства» и признанная последним в таком качестве. Все крупные теракты на Кавказе, начиная с декабря 2015 года, совершены под знаменем «Вилаята».

Вооруженное насилие на Северном Кавказе не единожды рассматривалось в контексте возможных внешнеполитических угроз для России. В 1990-х—начале 2000-х годов знаковой фигурой «исламистского интернационала» на Северном Кавказе был пресловутый «черный араб» Хаттаб (Хабиб Абдул Рахман, он же Ахмед Однорукий). На Северном Кавказе «засветились» такие персонажи, связанные с «Аль-Каидой», как Абу Омар Аль-Сейф, Абу Омар Кувейтский (Абу Дзейт), Муханнад (Абу Анас). Абу Хафс Аль-Урдани, хотя и высказывал публично свои симпатии в адрес Бен Ладена, но никогда не идентифицировал себя с известной террористической сетью. Были и другие фигуры, меньшего масштаба. На сегодняшний день антироссийское движение на Северном Кавказе действует под лозунгами не этнического сепаратизма, а «чистого ислама». Уже к концу 2014 года (то есть почти за год до российской военной операции в Сирии) на Северном Кавказе ряд полевых командиров обозначили себя сторонниками «ИГ» и принесли присягу его лидеру Абу Бакру аль-Багдади. Расколы внутри северокавказского диверсионно-террористического подполья случались и ранее (например, в 2010 году Доку Умаров разошелся с некоторыми полевыми командирами из Чечни), но не распространялись за пределы региона и проходили без вмешательства

мощных сил извне, хотя бы приблизительно сопоставимых с «Исламским государством». Таким образом, северокавказский фактор стал одним из триггеров (далеко не единственным) российского вмешательства в конфликт в Сирии.

«ИГ» рассматривает Россию и Запад в качестве своих противников (несмотря на все противоречия между Москвой и Вашингтоном). К сожалению, расхождения по многим проблемам (от Грузии и Украины до оценок перспектив размещения элементов американской противоракетной обороны в Европе) не позволяют двум странам, столкнувшимся с одинаковым вызовом со стороны джихадистских структур, сосредоточиться на кооперационных стратегиях. Между тем жесткое расхождение России и США объективно способствует консолидации «третьих сил» (прежде всего террористических сетей, таких как «ИГ» или «Джебхат Фатх аш-Шам», также известное как Фронт ан-Нусра), заинтересованных в ослаблении не только Запада, но и России.

Заключение

В нынешних обстоятельствах Москве крайне важно купировать риски в Кавказском регионе, что позволит ей сосредоточиться на продвижении своих интересов на Украине (где решается сегодня вопрос о перспективах европейской безопасности в целом) и в Сирии (где ставкой является участие России на правах равного партнера в международной антитеррористической коалиции).

В этом контексте крайне важными представляются недопущение критического обвала имеющихся переговорных форматов (Женевские консультации по ситуации в Грузии, Абхазии и Южной Осетии, встречи «Карасин—Абашидзе», переговоры по урегулированию нагорно-карабахского конфликта) как канала связи между участниками конфликта и всеми игроками, вовлеченными в мирный процесс, а также активизация наряду с имеющимися форматами (Минская группа ОБСЕ) трехстороннего процесса (переговоры президентов Армении, Азербайджана и России). Этот формат уже оправдал себя в 2008—2012 годах (благодаря ему удалось удержать Ереван и Баку от повторения югоосетинского сценария и даже достичь взаимных соглашений по гуманитарным вопросам). Помимо наращивания российского участия, такой формат позволил бы обратить внимание на предотвращение инцидентов вдоль международно признанной границы между Арменией и Азербайджаном.

Столь же важна диверсификация политики в отношении Абхазии и Южной Осетии, элиты которых имеют разные взгляды на перспективы своего существования. При этом координация интеграционных действий с Сухуми и Цхинвали должна вестись при четком понимании того, что у России есть свои интересы и резоны, а позиция Москвы несводима к функциям абхазского и югоосетинского лоббиста (в этом плане было бы полезно воздержаться от реализации планов «Единой Осетии» по крымскому образцу).

В ходе продвижения интеграционного проекта ЕАЭС в Армении для Москвы актуальной задачей видится выстраивание отношений со всем политическим спектром сил республики, дабы не допустить резкую поляризацию сил внутри нее из-за оценки отношений с Россией и евразийской интеграции. Конструктивные отношения с армянской оппозицией должны предотвратить превращение ее в инструмент США и Евросоюза в канун предстоящих в 2017 году парламентских и в 2018 году президентских выборов.

Думается, что выстраивание партнерства с США и их союзниками по противодействию радикальному джихадизму на Ближнем Востоке (с учетом влияния ситуации в этом регионе на Северный Кавказ) сможет также оказать позитивное воздействие на региональную безопасность. И не в последнюю очередь это может удержать разных региональных игроков от соблазна пойти по пути «разморозки конфликтов».